

Ф. МУСКАТБЛИТ

Мертвая зыбь

Все признаки так называемой сенсации...

В Петербурге — заседание Религиозно-философского общества о «Вехах» *.

В Москве, в исторической комиссии учебного отдела Общества распространения технических знаний — беседа по поводу «Вех» **.

В женском клубе — реферат г. Штамма с прениями: «Вехи» ***.

Глубоко убежден, что с таким же жаром отнесется к ним и провинция, в углах которой не одна лампа, не один огарок погаснут прежде, чем сбившийся для обсуждения «Вех» клок распыленной ныне интеллигенции рассыплется по домам.

Ведь россиянин от «ума недозрелого» школьника до колоритнейшего представителя славян, совмещавшего в себе точное знание с полетом в «туманную даль», отвлеченность метафизики с душистым «букетом гражданской скорби» и то, что несомненно сродни «вечно женственному», с окрашенным милитаризмом представлением о «желтой опасности», — до Вл. Соловьева — этот россиянин, в студенческой ли мансарде или барских хоромы, всегда пытался вытянуть и наколоть на булавку корень жизни.

Теперь он делает это с особым рвением.

Раньше просил. Сейчас требует:

— На проклятые вопросы дай ответы мне прямые!¹

Это не Гейне сказал. Сказал в свое время россиянин, взыскующий «Града». Не уездного, которым он уже сейчас, к вящему удовлетворению иного, располагает, «Божия».

---

* 21 апреля.

** 14 апреля.

*** 19 апреля.

В «Речи», «Слове» и покойной «Нашей газете» — полемика на почве «Вех».

В «Голосе Москвы» — сладкозвучная кантилена:

— Сборник попал в цель... Особенно не понравилось... Польза от этого будет несомненная, если авторы продолжат свое дело... *

В «Новом времени» — дифирамб А. Столыпина:

— Беспощадное и суровое зеркало интеллигентской сущности осталось налицо. Оно отшлифовано терпеливыми и мастерскими руками людей правдивых и бесстрашных, а в такое зеркало всегда тянет заглянуть хотя бы тайком и урывком. Бедная интеллигенция — у ней нет способов изъять «вредную» книгу из обращения! **

«Правдивые и бесстрашные» — это Струве, Бердяев, Булгаков, Гершензон, Франк, Кистяковский и Изгоев, сделавший, впрочем, определенную оговорку:

— Я всецело принимаю изложенный там основной тезис, но расхожусь с остальными авторами в его принципиальной мотивировке ***.

После такого аттестата совершенно очевидно, что все остальное от интеллигенции, за вычетом этих семи, их точку зрения не разделяющее, лживо и трусливо.

На кого идеалистические боги, на того и октябристские люди.

Ни на мгновение не сомневаюсь, что вы с негодованием отвергнете ироническую скорбь о том, что у нашей интеллигенции:

— Нет способов изъять «вредную» книгу из обращения!

Эта улыбка, это остроумие — это:

— Поклеп!

Каков бы символ общественно-политической веры нашей интеллигенции ни был, тоски по «способам изъятия» даже самого неприятного для нее слова — такой тоски в нем не значилось.

Не значитя.

И не будет значиться.

Ибо это противоречит всей ее сущности.

Всему внутреннему содержанию *подлинной* интеллигенции.

Не той, которая драпируется в ее облачение, не имея на то никакого права.

* № 85.

** № 11894.

*** Вехи. С. 209.

И уважает неприкосновенность речения лишь тогда, когда оно выходит из ее уст или из-под ее пера, и только.

За похвалой следует рекомендация:

— Сборник ревизионных материалов под заглавием «Вехи» обязательно прочитать для каждого интересующегося судьбами России*.

От всей души присоединяюсь:

— *Обязательно прочитать!*

Нельзя, заткнувши на манер Фамусова уши, неукоснительно твердить:

— Не слушаю, под суд!

Пришел не какой-нибудь там Скалозуб.

А группа лиц с пытливым умом.

Знанием.

И любовью к родине.

Всем, преломленным в призме своего жизнечувствия.

Можно сказать:

— Назови мне, кто тебя одобряет. И я определю тебе, что ты утверждаешь.

Это — безусловная истина.

Но сделайте над собой необходимое усилие.

Отбросьте доказательство «со стороны».

Не считайтесь с тем, что произведение встречено рукоплесканиями в газете А. С. Суворина.

И, бесспорно, встретит такой же прием в «Русском знамени».

В «Почаевских известиях».

И других органах правее здравого смысла.

Нет!

Памятуйте, что «для наилучшего изображения значительно-го предмета следует заимствовать краски у него самого, так чтобы самые пределы и переходы их создавали рисунок» **.

И поэтому примите «Вехи», как если бы вокруг вас никого и ничего, кроме них, не было.

Представьте себе на миг, что вы живете на дне Тихого океана, в том месте его у Курильских островов, где глубина достигает 14 верст.

Что на поверхности прошел русский пароход «Достоевский», названный так по имени того, кто четверть века тому назад бросил нашей интеллигенции незабываемое:

— Смирись, гордый человек! Смирись, праздный человек!³

* Новое время. № 11894.

** *Ницше*. Menschliches, Allzumenschliches. I. Aphor. 205².

Что некий пассажир нечаянно обронил «Вехи» за борт.

И они опустились к вам.

Такое «самовнушение» произвел над собой пишущий это.

Каково же оставшееся от этой книги впечатление?

Прежде всего — о своевременности или несвоевременности ее опубликования.

Об этом усиленно спорят.

И есть о чем.

Формально двух мнений на этот счет быть не может и не должно быть: если некто считает нечто правдой, то для него и его культурных окружающих вопрос о своевременности или несвоевременности ее опубликования — будь против этого даже весь остальной мир — отпадает, так как всякое координирование своего высказывания с внешними условиями есть насилие в отношении своего «я».

Протестуя против него, «семь смиренных» и изрекли свое слово.

По существу же такая позиция вызывает двойное возражение различной силы.

Одно из них сделано Мережковским.

Исходя, очевидно, из того совершенно правильного положения, что правда в состоянии убить больного, он дал следующее сравнение:

— Пусть правда все, что говорят о нашей интеллигенции «Вехи»; идущему по узенькой дощечке над пропастью сказать «убьешься» — тоже правда; но правда не любви*.

Возражение, по моему крайнему разумению, строгой критики не выдерживающее.

Оно покоится на преуменьшении духовной силы нашей интеллигенции, которая свыше 100 лет шла «по узенькой дощечке над пропастью» и, обильно засыпая ее своими телами, прошла «сквозь строй» любого типа до 17 октября 1905 года и далее.

И на преувеличении авторитета «семи смиренных», в подобной мере далеко им не присущего.

Гораздо важнее другое, пока — насколько мне известно — не выдвинутое.

Дело не в любви «семи смиренных», без которой наша интеллигенция как-нибудь обойдется, а в их, выражаясь возможно мягче, политическом такте.

Если они не обуяны гордыней «splendid isolation»⁴ вконец, то не могут не сознавать, что исчерпывающий ответ на «Вехи»

* Речь. № 112.

при данном положении вещей без риска «принудительного отчуждения» по ст. 129 невозможен.

Когда три года тому назад автор этих строк в качестве заведующего редакцией некоего издания печатно выразил свое принципиальное несогласие с помещенной без его ведома одно-сторонней статьей по адресу нашей интеллигенции, эта петитная заметка едва не стоила ему «выезда» — на все время военного положения — из «пределов» генерал-губернаторства.

Утверждение о сугубой с тех пор перемене звучало бы более чем иронией.

Вот почему, когда обвиняющий нашу интеллигенцию в «политическом импрессионизме» бывший редактор «Освобождения» задним числом выносит свой вердикт:

— Революцию делали плохо *,

я с величайшим вниманием выслушиваю его напутствие:

— Суть дела не в том, что революцию делали плохо, а что ее вообще делали **.

И на нюанс № 1 готов ему послать, что отчасти и:

— *De te fabula narratur*⁵.

А на то же № 2 — заметить, что в самой возможности для Струве напечатать такие три слова, как:

— Революцию делали плохо.

В этом отражена наличность огромного специально-психологического сдвига, след которого, конечно, может быть замечен, но существовать от этого не перестанет «и ныне, и присно, и во веки веков», — основания, на которых мне не понятен главный импульс для разрешения наших печальников от морального бремени само- и инооплевателей «Вехами».

Но при попытке — будь у меня таковая — исчерпывающе возразить на его отрицательный приговор положительным, явственно слышу указующий на «восхваление» глас «независящих обстоятельств»:

— Журналист, помни о «временных правилах»!

И то, что «семь смиренных» этого обстоятельства не учли и, повторив: «Смирись, гордый человек! Смирись, праздный человек!» другим, не применили обязательного в этом случае того же «категорического императива» к самим себе, свидетельствует, что голый факт появления «декларации» об обязательности внутреннего самоусовершенствования личности заключает в себе известный признак аморальности...

* Вехи. С. 141.

** Слово. № 788.

Много ли в ней правды?

Для предполагаемого, но точно (обстрел — «массированный»!) отнюдь не обозначенного адресата — много.

Не скажу — жестокой.

По той простой причине, что правда — не ковер, не стекло и не баранка.

И, следовательно, не может быть ни шершавой, ни гладкой, ни с изюмом, ни на горчичном масле.

Земная правда — на Марсе я не был, не знаю — это такое свойство суждения, которое делает его обязательным — по своей непреложности — для всех.

Человек дышит.

Это — правда.

Такой правды, повторяю, в книге — много.

Объективной.

Отдельные образцы ее во множестве приведены в нижеследующих статьях.

Но наряду с ней благодаря определенного цвета стеклам, которые у одних авторов вросли пред умственным взором издавна, а у других, как, например, у Струве, неоднократно сменялись, — наряду с ней выставлена иная.

Субъективная.

И пусть Гершензон сколько угодно провозглашает самоуничижительное:

— Не для того, чтобы с высоты познанной истины доктринерски судить нашу интеллигенцию...

«Высота познанной истины» смотрит на вас из-за каждой страница «Вех» с ровно таким же апломбом своей непогрешимости, осуждение которого, но у своих противников, они поставили своей задачей.

И «в голове все звенит и звенит»:

— Сначала сознание, а потом бытие!

С неумолимой догматичностью сектантства *vice versa*:

— Сначала бытие, а потом сознание!

Набивший оскомину дубликат схоластического диспута «в замке города Толедо» между папой и раввином, о которых столь едко отозвался беспощадный поэт:

— *Beide stinken*⁶.

Если что-либо и может быть вменено в актив действительно, а не мнимо «нового сознания», то это — именно бесповоротный отказ его от признания «безусловного примата» как «внутренней жизни личности», так и «общественных форм».

От обоих «сначала» и обоих «потом».

Право же, «объяснение» 9-й симфонии Бетховена его «буржуазностью», как и «аргументация» его изрытого оспой лица 9-й симфонией, достаточно, чтобы проходить под флагом 1909 года, «устарели»...

Но было бы заблуждением видеть «высоту познанной истины» только в «Вехах».

Участники блещут ею же по поводу книги и вне ее. Так, Струве поучает:

— Вообще основное в «Вехах» шире всякой политики как таковой. Что этого не понимают те, кто ничего, кроме и т. д. *

И в частности:

— Он (К. К. Арсеньев) понимает смысл сборника «как призыв к покаянию». Для меня, должен сказать, вовсе не в этом его смысл **.

Франк высокаторжественно шествует в этом направлении еще далее и удваивает невежество «тех, кто ничего, кроме и т. д.».

— Упрекая нас в «реакционности», в движении направо, нас не понимают вдвойне ***.

Тройное хамство «тех, кто ничего, кроме и т. д.», пока еще не констатировано, но по изначальному рвению к кафедральности более чем ясно, что это — дело весьма близкого будущего.

И что в конце концов с «высоты познанной истины» прогрессит безапелляционный приговор всего синклита из «Вех» о семикратном (по числу проповедников) тупоумии его аудитории.

Иначе и быть не может.

Ибо что такое наша интеллигенция?

По составленному Мережковским на основании «Вех» конспекту это:

1. «Бездонное легкомыслие» (Струве).
  2. «Сектантское изуверство» (Франк).
  3. «Убожество правосознания» (Кистяковский).
  4. «Народническое мракобесие» (Бердяев).
  5. «Общественная истерика» (Булгаков).
  6. «Онанизм» (Изгоев).
  7. «Подлинная мерзость запустения» (Гершензон) ****.
- Семь тощих фараоновых коров.

* Слово. № 771.

** Слово. № 788.

*** Слово. № 779.

**** Речь. № 112.

В общей сложности — по диагнозу Франка — трансформированных в единого:

— Загипнотизированного меловой чертой справа налево петуха*.

В единого, так как ни к какой иной логической пристани по «Вехам», очевидно, у «России» позаимствовавшим прием свалки всей пестротканной нашей интеллигенции в ящик под вывеской «Радикальствующая кружковщина», прийти нельзя.

Вполне естественно поэтому, что такому своеобразному творению — не говоря уже о Западе — совершенно чужды и Пушкин, и Левитан, и Чехов, и Чайковский, и Антокольский, и Мечников, и Толстой...

И что оно поразительно похоже на... «бывшего» Струве, так любовно накалывавшего некогда на булавку столь мелкотравчатую политику, как всевозможные продукты «совершенно секретного» бюрократического творчества...

Есть на земле такие превращения. Правлений, климатов и нравов, и умов.

«Теперь уж я не тот», — возвестил почтенный публицист.

И, отметив полгода тому назад всю тусклость нынешней действительности, посоветовал отвести взгляд от нее:

— Поверх текущего момента**.

Правда, этот совет не был полностью осуществлен им самим.

Вместо умозрения его «Размышления» зачастую оказываются посвященными такой злободневности, как, например, П. А. Столыпин с обусловленным его тактикой крушением его же «конституционной» программы-minimum, — политика pure sang***7.

То же вы найдете и у Бердяева, весьма недавно остановившегося на с. р. н.⁹ и вопреки всей враждебности своего кооператора к «проекции» закончившего этюд указанием, что:

— В бытии черной анархии виновны все мы: кажущаяся сила реакции есть лишь объективация нашей слабости и наших грехов****.

О по горло сидящем в самой «гуще жизни» Изгоеве и толковать в этом смысле нечего*****.

* Слово. № 779.

** Московский еженедельник. 1908. № 51.

*** Слово, ad libitum⁸.

**** Слово. № 768.

***** Речь, ad libitum.

Наконец, ту же обильную дань современности каждый узрит и в примыкающем к ним Котляревском, которому и его убеждение в совершенной недостаточности одной только, «так сказать, политической техники человеческих общежитий» * несколько не помешало — и не мешает — усердно знакомить «тех, кто ничего кроме и т. д.» с так называемым кризисом парламентаризма и своей лестной оценкой последнего как наиболее совершенного ныне аппарата управления, а также — с восточным вопросом и внешней политикой вообще **.

Все это — лучшее доказательство, что головным построениям авторов, по-видимому, не одолеть обязательно присущего каждому *soo politiko*¹⁰ интереса к тому, что у нас так «довлеет дневи».

И — прекрасная иллюстрация, как можно воспевать на семиструнной мандолине «первенство внутренней, духовной основы жизни над внешними политическими ее формами» и, одновременно в меру, от природы положенную, интересуясь ими, клеймить тех, кто проявляет аналогичное к ним внимание, но не надорванное волею пристрацией, а обвешанное «теплой любовью».

Не в этом, однако, суть. Ведь следуй Струве своим «исходящим» паролем — новейший («Национализм»!)¹¹ вышел за № 4711 — строго, он не был бы Струве или по некоему остроумному выражению:

— Иоанном Крестителем всех наших возрождений¹².

Лозунг был дан:

— Поверх текущего момента.

И под ним «с речательством за верность хода» воздвигнуты пред обществом «Вехи».

Открываемый ими путь, бесспорно, сулит и утешение от «сердца горестных замет»: что есть *sub specie aeternitatis*¹³ даже смертная казнь, хотя бы с 17 октября 1905 года она и была осуществлена свыше 3000 раз? Ничто. Песчинка.

Помните Гюго:

— Что за безделица повешенный? А затем? Свернуть веревку, выдернуть из перекладки гвозди, похоронить труп — велика важность! Тапнер... Чтобы увидеть его, нужен микроскоп... ***

* Московский еженедельник. № 13.

** Русские ведомости.

*** Из речей и воззваний в изгнании. Жителям Гернси.

И — пользу от «ума холодных наблюдений»: когда же, как не при «первенстве внутренней, духовной основы жизни над внешними политическими ее формами» предаться самоанализу, в свете которого личность блеснула бы «собою из себя сияя, себя собой изображая»?

Вот как рекомендуют лечиться нашей интеллигенции врачи «Вех», по-видимому, серьезно убежденные, что цветок даст пышные ростки, если его... с корнем вырвать из земли.

В этом абсурде — центральный оползень нашумевшей книги, разветвивший сразу же бросающиеся в глаза трещины во всех — до единого — очерках «Вех», этой проповеди а-утилитаризма с... утилитарной целью, «бескорыстия» ради... «корысти».

«Если это — «призыв», — сказал о «Вехах», возражая К. К. Арсеньеву, Струве, — то призыв к собиранию сил»*.

Если, скажу я, «Вехи» имели в виду такое «собрание сил», при котором «семь смиренных» оказались бы изолированными, то эта цель блестяще достигнута и их, а вместе с тем и нашу интеллигенцию можно поздравить с огромной победой.

У старого знамени и в предлагаемом сборнике под одной кровлей с готовностью сошлись** представители обычно — к прискорбию — «воюющих сторон».

Остается лишь страстно пожелать, чтобы «l'union qui fait la force»¹⁴ сохранился и впредь.

Струве спрашивает «гг. объединителей: прикажете и с г. Кудриным — во имя чрезвычайной охраны — объединиться?..»¹⁵

Отвечаю:

— Чрезвычайная охрана это — такая хорошая вещь, что «во имя» ее стоит объединиться «и с г. Кудриным». Даже с г. Дубровиным, будь он иного о ней мнения. А когда она отойдет в «страну воспоминаний» — там уж видно будет. И каждый будет вправе пойти по наиболее отвечающим его индивидуальности вехам. Пока этого нет, я полностью возвращаю вам ваш же тезис: «...я готов идти по одному пути с человеком, который хочет идти дальше меня или, наоборот, не хочет идти так далеко, как я, но я не желаю идти с человеком, который завтра впадет в буйное помешательство и запустит в меня булыжником»***.

* Слово. № 778.

** Все статьи воспроизведены с согласия авторов.

*** Русская мысль. № 1.

Вроде «Вех».

Особенно теперь, когда налицо все показания в пользу постепенного преобразования «града» уездного обратно в село с временным, но «безусловным приматом» самого прискорбного свойства...

*(В защиту интеллигенции. Сб. статей. М., 1909.
С. 1—14; с подзаголовком «Вместо предисловия»)*

